

Александр РОЙТБУРД
художник

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ КНЯЗЕВА (1959–2009)

Сереза Князев.

Мы познакомились тридцать лет назад. Я поступил на худграф Одесского пединститута. Мне еще не было восемнадцати, ему — «за двадцать один». Он казался мне очень взрослым.

Таким, наверное, был молодой Леже. Тип художника-мастерового. Маленький, плотный, широколицый. Кепка, очки.

Его опекал Ацманчук. Он бывал у Хруща. Ему покровительство-вал коллекционер Феликс Кохрихт.

От этих имен голова шла кругом.

От Ацманчука — сезаннизм и кубизм.

Князев и кубизм. Он создал свой, очень авторский кубистический синтаксис. Ни на кого не похоже, и очень в русской кубофутуристской традиции.

Семейный портрет. Парикмахерская. Дача. Самовар. Женские портреты.

Его кубизм — цветной.

Кстати, само его лицо, казалось, было создано для кубистического портрета — четкая конструкция, крупные, лаконичные объемы и массы.

А когда Князев отпустил бороду, стал поразительно похож на пикассовский портрет Воллара.

На первом курсе чуть ли не первая постановка — геометрический натюрморт.

Куб. Шар. Пирамида.

Все выдрочивали отмывки.

Князев за два часа написал с натуры кубистический натюрморт.

Я захотел ему подражать.

Найдутся ли стихи, которые он писал тогда? Помню отрывочно одно: «...я подхожу к холсту, преодолев мандраж»... И про холст: «...он был мешком. Не знал он, что на свете есть кубизм»...

Еще одно сохранилось у меня в альбоме, его рукой записанное: «Затяжным поцелуем запрокинуты пляжи...»

Там еще была такая строка:

«Растяжимые истины сжаты в губах перелетных»...

Я прочел его Сереже. Месяца два назад. Оказалось, он о нем забыл. Удивился: «Как ты все это помнишь?»

Некоторые стихи все же сохранились.

Например это:

Столкнулись случайно
Витрина к витрине
Осенних апатий
Опадшие крылья
Дворник наклонный
С картинки в альбоме
Склоняет шумящие листья к измене
Спицам и шинам велосипедным.

Стихи художника. Образный ряд, конструкция, пространство, фактура — кубизм.

Через год он сказал: «Я ушел от кубизма. Но конструкция осталась внутри».

...Рассказывал, что прадедом его был известный одесский заводчик Линквист (канатный завод Линквиста, впоследствии — завод Дзержинского, «Стальканат»).

А еще одним прадедом — атаман Антонов.

Когда Сережа, лет десяти от роду, с отцом приехал на Тамбовщину, седобородые старики снимали перед ним картузы, крестились и кланялись в пояс.

Был образован энциклопедически.

О том, что я хотел узнать, он знал, казалось, все. Французов, от импрессионистов до Пикассо — как своих корешей. Мемуары Воллара наизусть цитировал. Русский Серебряный век и авангард. Нонконформизм. Современная проза и поэзия.

Я брал все это от Князева и смотрел на все это его глазами.
Он переформатировал мое мышление.
Рассказал мне, что читать. Слушать. Смотреть. Любить.
Он простроил во мне ту сетку восприятия и оценок, которая
с поправками работает по сей день.
Я доверял ему безоговорочно.

...Многое из невзначай сказанного им впоследствии сработало,
как установка Кашпировского:

– А вот Шопин сказал: «Хочешь написать трагедию, а не можешь нарисовать руку. И хорошо, если из того, что ты не можешь ее нарисовать, получится трагедия. А если выйдет просто плохая рука?»

– А вот Сезанн говорил, что художник — это темперамент живописца (многие думают, что это и есть талант), собственная концепция мира (чего, кстати, большинству и не хватает) и способность к реализации — ну, это тот самый профессионализм...

– А вот Матисс считал, что истинное значение художника определяется числом знаков. Введенных им в искусство...

– А вот Мока Морозов говорит, что художник — это то, что он делает от тридцати до сорока. До тридцати — ничего зрелого, после сорока — ничего нового. Так что надо успеть...

Князев успел меньше, чем мог бы.

Романтическая история, юношеская травма, уход из института, армия, халтуры, женитьба, дети, бедность, необходимость прокормить большую семью.

Увы, он как-то прошел мимо большого искусства.

Куда ему была прямая дорога.

Все эти годы мы общались урывками, иногда не виделись по нескольку лет. А года два назад встретились — и уже не расставались.

Было радостно — Князев начал возвращаться.

Казалось, он и не выпадал из тренда.

Передо мной был человек, свободно ориентирующийся в современной культуре, философии, литературе, искусстве.

В актуальной проблематике и модных фишках.

Он молодец.

Я думаю, его вытащил интернет.

У него было несколько ЖЖ-блогов, самый популярный — m0desta («чужие картинки»). Если кто-то в курсе, что это такое, он за год стал «тысячником».

Это Князев убедил меня завести свой ЖЖ.

Весь 2008-й год мы провели едва ли не самыми близкими друзьями.

Дружба с тридцатилетней паузой. Точнее, с тридцатилетним стенд-баем.

Приезжая в Одессу, я сразу же звонил ему. Мы по каждые два-три дня встречались, бродили по городу, пили вино, часами болтали взахлеб.

За год он написал шесть текстов обо мне, и я был приятно поражен. Изяществом стиля, плотностью коннотаций, тонкостью анализа.

Точностью попаданий.

В нем открылся талант блестящего эссеиста.

Он писал рецензии и статьи о художниках, в основном заказные, но природная глубина мышления, культура и эрудиция превращали почти каждый текст в маленький шедевр.

После долгого перерыва он опять занялся живописью.

Прежняя форма возвращалась не сразу.

Летом мы с ним съездили в Гурзуф.

Пленер в военном санатории.

Знакомство с киевскими художниками. С Тистолом, Маценко, Будниковым, Владой Ралко. С искусствоведом Лесей Авраменко.

Его приняли как своего. Он радовался, как ребенок.

Потом была мастерская на Льва Толстого и последние работы, в которых начало появляться новое качество.

Последняя картина — «Клоуны». Сережин сын, Паша, сказал, — папа считал ее незаконченной.

Я не согласен. Считаю ее очень удачной вещью.

Личным прорывом.

Он был глубоко верующим человеком.

В его вере искренность сочеталась с открытостью и свободой разума. Ни тени неопитского фанатизма.

Он говорил: «я продвинутый православный».

Феликс Кохрихт в нашем недавнем разговоре сравнил Князева с Пушкиным. Князев, как и Пушкин, — европеец. При этом ни тот, ни другой ни разу не пересекли границ Империи...

В декабре, в мой последний приезд в Одессу, он говорил, что хочет заказать много больших подрамников. Были планы серьезного живописного проекта.

В среду, 28 января, я позвонил ему, позвал в Киев на открытие моей выставки.

Где в каталоге было опубликовано его эссе о Пушкине.

Он сказал, что в больнице, но уже все нормально. Камень вышел.

Говорили минут сорок. Шутили.

Договорились через недельку распить бутылку красного сухого.

В воскресенье, 1 февраля, он ушел.

Все-таки он умер на взлете.

Р. S. 3 февраля я позвонил в Нью-Йорк своему отцу. Сказал, что умер Сережа Князев.

Папа какое-то время молчал. А потом медленно произнес:

Настоящий. Русский. Интеллигент.

18 февраля 2009 г., Киев